

Фонд развития конфликтологии

Конфликт как проблема

Очерки современной
теоретической
и прикладной
конфликтологии

Санкт-Петербург, 2015

Коллектив авторов

Конфликт как проблема

«Фонд развития конфликтологии»

Коллектив авторов

Конфликт как проблема / Коллектив авторов — «Фонд развития конфликтологии»,

ISBN 978-5-9906484-0-1

В коллективной монографии, подготовленной по материалам II Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов (3–4 октября 2014 г., Санкт-Петербург), рассмотрены теоретико-методологические и практические аспекты генезиса конфликтологического знания, представлены исследования различных сторон современных международных и российских конфликтов, управления конфликтами в различных сферах жизни общества, технологий и техник разрешения конфликтов. Книга предназначена для ученых и специалистов-практиков, научные и практические интересы которых включают исследование особенностей конфликтности современного общества, преподавателей социогуманитарных дисциплин, медиаторов-переговорщиков.

ISBN 978-5-9906484-0-1

© Коллектив авторов
© Фонд развития конфликтологии

Содержание

Вместо предисловия.	5
Глава I. Теоретико–методологические проблемы конфликтологических исследований	8
Проблемы отечественного конфликтологического образования	8
Проблема конфликта России и Европы в русской философии права	15
Конфликт в зеркале социальной философии	21
Политико-культурные измерения социальных конфликтов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии

Вместо предисловия.

Конфликты подлинные, фиктивные и мнимые

Фельдман Д.М.

Я принадлежу (не представляю!) к поколению тех отечественных конфликтологов, которые начали работать в этой сфере еще тогда, когда в стране «не было» не только конфликтов, но и секса, и протоколов пакта Молотова – Риббентропа.

Неудивительно, что и сегодня становление конфликтологии как отрасли науки в России все еще продолжается. Конечно, нельзя не отметить отдельных удач отдельных авторов или авторских коллективов, в том числе и собранных *ad hoc*. Тем не менее, для общего массива отечественных публикаций по проблемам изучения конфликта все еще характерна отчетливо выраженная «детская болезнь». Один из её симптомов – некритическое заимствование из-за рубежа теоретико-методологических установок и концептуальных теоретических представлений. Подчеркну: речь идет не о перенимании и применении в отечественной конфликтологии современного понятийного аппарата или конкретных (например, математических) методов и методик изучения конфликтов. Тем более не об использовании зарубежного опыта моделирования или имитации тех или иных конфликтов в ходе учебного процесса, а о попытках укоренить на отечественной почве теоретические конструкции, не имеющие реального онтологического содержания. В итоге, не утруждая себя выработкой понимания того, как, отчего и почему тот или иной концепт появился в условиях, которых в России нет, в рамках каких теоретических построений он может и должен быть верифицирован, какую смысловую и политическую нагрузку он несет – многие отечественные исследователи конфликтов погрузились в мир зарубежных фикций.

Ни в коей мере не умаляю эвристического и практического значения использования в науке заранее определенных и конвенционально закрепленных «мнимостей». Среди них:

не существующие в реальности «идеально-черное тело», «несжимаемая жидкость» или «дьяволы Максвелла». Более того: полагаю целесообразным напомнить о том громадном вкладе в науку, который внесли астрологи, алхимики, хироманты и жрецы давно позабытых богов, не только создав для нее реальную фактологическую базу, но и многие до сих пор широко используемые инструменты научных исследований.

Все это следует отличать от квазинаучных фикций. Среди их создателей первое место, безусловно, принадлежит изобретателям вечного двигателя. Наряду с ним вошли в историю: пшеница, «развившаяся» из ржи, синица, вылупившаяся из яйца кукушки и многие другие активно пропагандируемые «достижения» Т. Лысенко и прочих «петриков». Увы! Они входят в историю, попортив кровь (бывает, что и погубив) многих ученых.

Вводя различие между «мнимыми» и «фиктивными» результатами труда исследователей, попытаюсь, никого не обидев, а по возможности и не назвав, обратиться к работам тех, кто стремится внести свой вклад в отечественную конфликтологию, бездумно повторяя чужие

суждения. Их усилия посвящены исследованию и популяризации «новых» фикций. Среди этих фиктивных конфликтов назову: «асимметричные конфликты», «конфликты новых акторов мировой политики», «международные конфликты нового поколения». Появление целого ряда трудов, посвященных исследованию всего этого (и даже учебников, эти труды пересказывающих и обобщающих), не отменяет того факта, что ни одного симметричного конфликта со времен Каина и Авеля (допустим, что они были однойлицевыми близнецами) как не было, так и нет, да и конфликт между ними никак нельзя считать международным. До сих пор пока нет и «нового» (или хотя бы молодого и свежего, в возрасте менее 2-3 веков) актора международных отношений. Конфликты между ними ничуть не новее их самих. Что же касается международно-политических «конфликтов нового поколения», в которых якобы лишь недавно стали сочетаться интересы государств и негосударственных участников международных конфликтов или внутривнутриполитические и внешнеполитические составляющие, то это поколение конфликтов живет и здравствует, по крайней мере, в европейской цивилизации, уже со времен античной Греции и Древнего Рима.

Как это не раз случалось в истории человеческого познания, изучение несуществующего оказалось очень полезным для совершенствования техники исследования, обучения и роста статуса самих исследователей. Желающие могут легко припомнить публикации соответствующих работ, в том числе и «новизну» кандидатских и докторских диссертаций их авторов. Неслучайно в ходе обсуждения этой «новизны» было предложено различать: «новое для автора» и «новое для истории».

Соглашаясь с этим «в принципе», полагаю, что такое предложение вряд ли будет поддержано и реализовано приверженцами зарубежных «новаций». Заимствуя за рубежом подобные (и многие другие) концепты, им было бы полезно учитывать, что наука, многие десятилетия развивающаяся в условиях доминирования грантовой системы финансирования и погони за ростом рейтинга, не может не быть ориентирована на поиск бьющей в глаза терминологической «новизны». С её помощью проще всего подчеркнуть вклад «новатора» в науку. Конечно, это явление в какой-то мере было присуще и советской науке, планомерно финансируемой из госбюджета. Ей также была свойственна борьба за формальную новизну, помогающую увеличивать объемы финансирования, занимать господствующие позиции в ведущих научных учреждениях, отстаивать престиж данного исследовательского коллектива и удовлетворять не только личное самолюбие учёного, но и его насущные базовые потребности. Необходимое в тех условиях признание и одобрение «сверху» нового в науке не препятствовало, а в значительной мере способствовало рептильности и сервильности советского обществоведения. Именно «первой в истории» советской теорией бесконфликтности было вызвано и появление конфликтологического провала в нашем изучении «диалектики общественного развития». Сегодня, несмотря на активно декларируемую идейно-политическую несовместимость с «Западом», многие отечественные специалисты заимствуют, «национализируют» теоретические концепты и конструкции из-за рубежа, прежде всего из США.

Понятно, что американская наука является частью не только мировой, но и американской культуры. Не подозревая американских ученых в исторической безграмотности, предполагаю, что понятие «новизна» имеет для них несколько иное, чем для нас, как европейцев и россиян, содержание. В этой связи ограничусь напоминанием общеизвестного: в Италии собор XVI века иронично, но в общем архитектурном контексте совершенно справедливо называют «новоделом», а в некоторых русских городах часть жилого фонда (увы!) старше, чем государственность США, возникшая, как известно, не далее чем в конце 18 века (1776 г.), спустя десятилетия после основания Санкт-Петербурга (1703 г.) или Московского Университета (1755 г.).

Обращаясь к подлинным международным конфликтам современности, берусь утверждать, что полицентричный мир, о котором так много и долго говорили политики, государственные и общественные деятели, ученые из разных стран, сегодня все более отчетливо

демонстрирует своё реальное существование. Об этом говорит не только растущая неэффективность и усталость США, претендующих на роль мирового гегемона и жандарма, но и все большая конфликтность международных отношений. Она вызвана не столько ростом мощи ранее отсталых государств, сколько готовностью участников международных отношений использовать силу во взаимных конфликтах. Наряду с этим увеличивается число «центров» силы. События на севере Африки, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Украине и в центральной Азии убеждают нас в снижении порога применения насилия. Социально-культурным (может быть, даже общецивилизационным) основанием этого является расширившейся и все более политически значимый процесс. Его содержанием является прямое и непосредственное участие в конфликтах сетевых сообществ, объединяющих людей, движимых не осознанием гражданской ответственности, но все более остро ощущающих свою социальную, национальную, политическую ущербность и недооцененность. Будучи в своей сущности «цифровой модификацией» классического охлоса, т.е. толпой, овладевшей компьютерной грамотностью, эти сообщества все более активно заявляют о себе, оказывают определяющее влияние на события на мировой арене.

Азбучная истинность тривиальной констатации субъектности интереса ни в коей мере не ставит под сомнение наличие у каждого из участников международного конфликта специфической совокупности различных по своему содержанию интересов. Хорошо известная всем дилемма: «пушки или масло», характеризующая политику как государственных, так и негосударственных участников отношений на мировой арене, в XXI веке имеет и общепланетарное измерение. Оно придает острейшую актуальность вечной проблеме власти в мировой политике. Сегодня эту проблему можно сформулировать как вопрос: перейдет ли мировая политика под власть охлоса?

Ожидаемый марксистами «рост политической активности угнетаемых масс», либеральные надежды на «демократизацию и модернизацию всемирной системы политических отношений» реализуются сегодня в виде формирующегося на наших глазах мирового порядка. Будучи по своей сути межвоенным, (эта констатация указывает не на приближение очередной мировой войны, а на его традиционность) он, как и следовало ожидать, характеризуется кризисом международного права, участием все новых наций, народов, народностей, племен, религий и конфессий в «параде суверенитетов», ростом международного влияния и авторитета государств с населением, никак не принадлежащем по уровню своего социокультурного развития к «золотому миллиарду». Как ни странно, все это сочетается с артикулируемыми внутри самого этого миллиарда требованиями отказа от тех идеалов и ценностей, стремление к которым и помогло ему стать «золотым». Я имею в виду не столько отмечаемые уже несколько столетий «гниение Европы» и «упадок Запада», выражающиеся во множестве симптомов – от краха мультикультурализма до борьбы за предоставление избирательных прав домашним животным, сколько объективное, проверяемое и достоверно фиксируемое смещение военных, инновационных, интеллектуальных и культурных центров влияния на былую периферию.

Подлинные, реальные конфликты сегодняшнего дня – это симптом утверждения нового мира. Нам всем предстоит научиться не только жить среди этих конфликтов, но и видеть их прагматический смысл и значение, использовать их в интересах своей страны и своих граждан.

Глава I. Теоретико–методологические проблемы конфликтологических исследований

Проблемы отечественного конфликтологического образования

Стребков А.И., Газимагомедов Г.Г.

Конфликтологическому образованию в России 15 лет, что позволяет нам подвести итоги этого нелегкого пути становления подготовки конфликтологов на двухуровневой основе – бакалавриат и магистратура.

Не вдаваясь в достижения в области конфликтологического образования в России, хочется перейти к тем проблемам, которые сегодня являются сдерживающими перспективное развитие конфликтологии в стране. Сразу оговоримся, что эти проблемы есть продукт как общих проблем образования, так и частных проблем конфликтологического образования. Мы не будем затрагивать образовательную политику в целом, но там, где конфликтологическое образование имеет общие проблемы с образованием вообще, то нам волей-неволей придется коснуться и политики образования в целом.

Во-первых, небольшой срок существования ООП по направлению подготовки «Конфликтология» (напомним, что всего лишь 15 лет ведется подготовка конфликтологов по утвержденным Министерством образования и науки РФ государственным стандартам), а также незначительное количество выпускников, их разбросанность по многим отраслям хозяйственной, культурной и политической деятельности, слабая обратная связь кафедр и университетов с выпускниками, отсутствие ответственности государства за их распределение – все это не дает возможности с полной уверенностью говорить о действительных проблемах, с которыми сталкиваются выпускники ООП. Но первейшая проблема заключается, по нашему глубокому убеждению, в том, как выпускники образовательной программы адаптируются в этих сложных условиях, когда конкуренция в среде наемных работников и особенно тех, кто занят умственной деятельностью, растет не по дням, а по часам. Но спорадические встречи с выпускниками, их положительные отзывы о подготовке в течение 4-х или 6-ти лет дают некоторые представления о том, что они сегодня представляют собой, будучи включенными в практическую деятельность, каков их конкурентный потенциал. И первое, о чем можно сказать – а это наиболее важное и главное – что в пределах профессий и должностей, на долю которых приходится большая умственная деятельность, выпускники легко адаптируются и растут по карьерной лестнице. Это результат того замысла или идеи, уложенный в основу подготовки конфликтологов, который заключается в том, что впервые 4 года не ведется не профильная, а общая подготовка конфликтологов, в которой достаточно сильна историко-конфликтологическая и теоретико-конфликтологическая парадигма, логично переходящая в ее технологическую составляющую. Т.е. в подготовку внедрен принцип восхождения от абстрактного к конкретному, который показывает путь движения теории к практике, а практики – к теории. И мы не согласны с суждениями, согласно которым социо-гуманитарные теоретические конструкции не могут быть внедрены в непосредственно социо-гуманитарную практику. Теория обязана осуществлять движение к практике, также как и практика к теории. А конфликтологическая теория, даже при условии, что она не едина (что есть опять же многообразие теорий, которые на свой манер объясняют причины и следствия зарождения, протекания и разрешения конфликтов), в конечном счете, предлагая объяснения конфликта в некоторой абстракции, в то же время предлагает конкрет-

ные или практические рецепты разрешения или урегулирования конфликтов. А коль скоро это так, то использование выпускником этих рецептов, этих технологий, как это принято сегодня, и получаемый тот или иной результат позволяет выпускнику пользоваться такими теоретическими конструкциями, которые наиболее верно отражают суть того, что мы называем конфликтом. И мы уверены в том, что знания о конфликте должны быть комплексными, междисциплинарными – что позволяет выпускнику не ограничиваться в анализе конфликта законами, господствующими в одной сфере жизни людей, а рассматривать конфликт как универсальный способ взаимодействия, характерный всем сферам жизнедеятельности общества. Он не ограничивается какой-либо одной сферой, он все сферы рассматривает как одну сферу человеческой жизни, при этом прекрасно осознает всемерную связь различных форм бытия современного человека. Вот почему выпускник ООП по конфликтологии более вооружен знаниями об обществе, чем выпускник, ограниченный особенными связями политического, экономического, психологического и иного характера. Вот почему он с легкостью адаптируется в различных видах деятельности, вот чем обусловлен его карьерный рост.

Во-вторых, это круг проблем, связанных определением направленности подготовки – будет ли она подготовкой технологов в урегулировании конфликтов, подготовкой переговорщиков и медиаторов, или подготовкой аналитиков и теоретиков конфликтов. Как показывает практика, все еще сохраняется большой конкурс поступающих, как на бакалаврскую программу, так и на программы магистратуры. Конкурсно-прежнему высок и стабилен, и лишь некоторая политика, направленная на увеличение рейтинговой привлекательности университета в целом (для программы был утвержден проходной минимум 189 баллов по трем предметам, нижний предел, позволяющий участвовать в конкурсе, составил по каждому предмету ЕГЭ – 63 балла), повлекла за собой резкое сокращение в этом году обучающихся на договорной форме обучения. Это сокращение, по нашим оценкам, составляет четырех-, а то и пятикратное уменьшение обучающихся договорников. Что, в конечном счете, является в какой-то мере положительным моментом подготовки, ибо на каждого обучающегося будет выпадать больше времени, отводимого преподавателем на консультации и беседы вне рамок официальной нагрузки. Но дело не только в этом, но и в том, что конкурс на программы магистратуры практико-ориентированного характера, такие как «Технологии урегулирования конфликтов посредством переговоров», имеет постоянную тенденцию к росту. Для сравнения: на данную программу в этом году конкурс составлял 5 человек на место (их всего было 8 мест), а на такие программы, как «Анализ и управление конфликтом», а также «Политическая конфликтология» – всего лишь два человека на место. Это свидетельствует о большой заинтересованности выпускников бакалавриата, и не только нашего бакалавриата, получить компетенции (знания, умения и навыки) переговорщиков и посредников в конфликте. Данный интерес обозначает некоторую тенденцию увеличивающихся потребностей в технологическом знании, о способах и методах урегулирования конфликта посредством переговоров и медиации. И поэтому нами подготавливается еще одна программа магистратуры по медиации – что связано с некоторой переориентацией программ магистратуры на прикладные, практико-ориентированные аспекты конфликтологии, на которые претендуют другие отрасли знания и подготовки, такие как юриспруденция и психология. Все зависит от того, в каких сферах все больше начинают применяться медиативные и технологии переговоров. Поэтому встает вопрос: сколько в переговорах и медиации юридического и психологического, а сколько конфликтологического? Это вопрос не теоретический, это вопрос практики, но так как здесь все зависит от соотношения численности юристов, психологов и конфликтологов – как и в конфликте – то становится очевидным, что эти виды конфликтологической деятельности заполняются психологами и юристами, не имеющими базового конфликтологического образования. И тогда снова встает вопрос: кто кого? Понятно, что в силу большей численности (а численность здесь существенный фактор) происходит «юридизация» и «психологизация» переговоров и медиации в ущерб их конфликтологи-

ческому содержанию. В связи с чем возникает необходимость практического соединения этих подготовок, которые не являются антиподами в содержательном смысле, а являются таковыми в результате искусственной профессионализации, искусственным различением социо-гуманитарных наук и отдельной подготовкой по различным направлениям.

Выдвижение конфликтологической практики в разряд особой профессиональной деятельности, которая все больше получает признание в обществе, увеличивает ее авторитет и тем самым увеличивает спрос на конфликтологов, занимающихся медиацией, конфликтологическим консультированием, переговорами, альтернативным разрешением споров или конфликтов в общем. В то же время лишь набирает силу спрос на специалистов в области разрешения социально-трудовых конфликтов, в сфере политики и государственного управления. Теоретическое обоснование необходимости включения конфликта в качестве объекта управления имеется, есть также набирающая силу потребность управления в специалистах-конфликтологах, обеспечивающих конфликтологическое сопровождение деятельности организаций и фирм. Есть перспектива расширения объекта профессиональной деятельности конфликтологов, а значит – есть и перспектива увеличения численности обучающихся по ООП конфликтология. В связи с чем появляется настоятельная необходимость в подготовке конфликтологов по разрешению конфликтов в сфере социально-трудовых отношений, в организациях и производствах. Появляется необходимость также в профессиональном стандарте конфликтолога, специалиста в сфере урегулирования конфликтов и поддержания мира, как это сегодня делается в отношении профессионального стандарта медиатора. Эта перспектива положит начало юридической легитимации должности конфликтолога на предприятиях, как должности юрисконсульта или экономиста. Положит начало профилированной подготовке магистров направления совместно с юристами, психологами, экономистами. Т.е. образовательная программа по конфликтологии приобретет практико-ориентированный характер, удовлетворяющий спрос на конкретных специалистов в области урегулирования конфликтов и поддержания мира, без потери ее теоретической насыщенности.

Вообще конфликтология, задумываясь как междисциплинарное направление подготовки, должна была снять существующие границы знаний, интегрировать знания, полученные в различных отраслях и выступить катализатором объединения разрозненных знаний о человеке и обществе. Но, как показала практика сложившейся факультетской и кафедральной системы управления в университетах, подобное объединение трудноосуществимо. Поэтому в данном отношении управление, структурным элементом которого будет все больше выступать образовательная программа, будет наиболее соответствовать движению подготовки в междисциплинарном направлении. Это возможно будет осуществлять в рамках совместных программ магистратуры, в которых достигается баланс межотраслевого знания в урегулировании конфликтов.

Надо уже сегодня взять за аксиому, что идеальной мерой конфликта не является какое-то отдельное знание, а знание многих наук, для которых предметом являются не застывшие раз и навсегда связи и отношения, а находящиеся в постоянном изменении, в развитии, отрицании и возникновении новые связи и отношения. Можно взять за аксиому, что практической мерой конфликта выступают противоречия, возникающие во всех проявлениях общественной и индивидуальной жизни, порожденных этой жизнью, и что они могут быть разрешены не только и не столько посредством одного лишь знания, но и практического действия, направленного на разрешение этих противоречий. Для конфликтологии должно быть аксиомой всякое знание об изменениях, о противоречиях и способах их разрешения, всякое знание о действиях людей, разрешающих эти противоречия, не искусственно, как говорил К. Маркс, не политически, не насильственно, а естественным волеизъявлением людей, желающих избавиться от этих противоречий.

Умение разрешать конфликт, если перевести услуги конфликтолога в денежное выражение, дорогого стоят. Особенно это заметно в социально-трудовых конфликтах. Приведем всего лишь один пример с забастовкой, которая происходила на «Боинге» в 2000 году. Ее считают беспрецедентной забастовкой для Америки. На 38 дней прекратили работу инженеры и техники компании «Боинг» в Сиэтле. Такой крупной стачки «белых воротничков» не было за всю историю Америки. Те, кто проектирует самолеты – основная интеллектуальная сила компании – стояли в пикетах у ворот своих предприятий. Они требовали «повышенного уважения» к себе как к профессионалам. Иными словами, гарантированных прибавок к зарплате, ежегодных премий, увеличения льгот по страхованию жизни и т.д. (Среднегодовая зарплата инженеров «Боинга» 55 тыс. долл., техников – 45 тыс. долл.). Каждый день этой забастовки обходился компании потерями в 5 млн. долларов. И все это в общей массе составило около 200 млн. долларов за 38 дней конфликта. Сокращение длительности данного конфликта хотя бы на два дня повлекло бы за собой сохранение для компании 10 миллионов долларов.

Цена конфликта сегодня высока, и не только в денежном, но и в моральном отношении. Репутационные и прочие потери наносят нематериальный ущерб, который тоже может быть представлен в денежном выражении. Поэтому помимо знаний законов менеджмента, каждый руководитель предприятия и все участники управления должны освоить азы конфликтологии, азы технологий предупреждения и разрешения конфликтов. Для этого необходимо развивать подготовку в рамках дополнительных программ по конфликтологии, ориентированных на возросшие потребности в конфликтологической квалификации всей системы управления, начиная с предприятия и завершая политической сферой жизни российского общества. Тенденция востребованности краткосрочного повышения квалификации в области медиации сегодня налицо. Начинают быть востребованными дополнительные образовательные программы по консультированию в конфликте. Ощущается потребность в специалистах в сфере разрешения и предупреждения конфликтов. В связи с этим технологическая составляющая, например, политических конфликтов, все больше приобретает практическое значение, увеличивается спрос на подобные технологии – особенно в силу того, что в последнее время образовалось большое количество партий, члены которых и формируют спрос на знания, навыки и умения в сфере конфликтологии. Увеличивается спрос на специалистов в области урегулирования социально-трудовых конфликтов. Продвижение конфликтологии в данном направлении в то же время укрепляет позиции и репутацию основной образовательной программы по конфликтологии.

В-третьих, это круг проблем, связанных с конфликтологией как подготовкой специалистов высшей квалификации, т.е. с подготовкой в рамках аспирантуры. Неоднократные решения УМО по инновационным междисциплинарным образовательным программам при СПбГУ легитимировать отрасль науки «Конфликтология», включить ее в перечень научных специальностей, осуществлять подготовку по данной отрасли науки в рамках аспирантуры и докторантуры, а также обращение с этими решениями в Министерство образования и науки не дали должных результатов. Инициатива УМО переваривались разумом министерской бюрократии от образования, но положительных решений не принималось и, наверное, они не будут приняты в ближайшей перспективе. Стремление конфликтологии вырваться на легитимированный научный простор так и осталось стремлением без институциональных решений. Нет аспирантуры, нет диссертационных советов, нет кандидатов и докторов по данной отрасли науки, нет и в перспективе не предвидится. Оставляя в стороне борьбу вокруг конфликтологии и за конфликтологию, следует сказать о том, что намечается прорыв в этом направлении (а известно, что в рамках специальностей научных работников по политическим наукам, конфликтология была легитимирована, заработала аспирантура по специальности 23.00.06, начали формироваться диссертационные советы по данной специальности), но дальше одного совета, открывшегося в одном из вузов Москвы, дело не пошло. Сегодня даже эта перспектива

частичного признания конфликтологии как науки на государственном уровне оборвалась, не успев испытать себя на практике, о чем мы сожалеем, но делаем из всего этого вывод, что сама конфликтология стала предметом борьбы и конфликта. Видя это, мы приходим к выводам более глобальным и справедливым о том, что конфликтология стала предметом политической борьбы, стала предметом вождельней получать от нее дивиденды, овладев ею, монополизировав ее. Это становится особенно заметным, когда речь заходит не о конфликтологии в целом, а об ее частях, таких, как медиация.

В-четвертых, именно борьбой за конфликтологию необходимо назвать весь период существования отечественной конфликтологии. Началом этого периода стала образовательная программа по данному направлению подготовки. Конечно, сама образовательная программа не смогла бы появиться, если бы не было огромного теоретического и эмпирического материала, который лег в содержательную основу подготовки. Но именно образование превратило этот материал в некоторую общественную ценность, в силу того что образование стало услугой, а не благом, знания, навыки и умения – товаром, имеющим меновую стоимость, а практика по разрешению конфликтов – сферой деятельности, способной приносить пусть еще незначительные, но доходы. Мы с глубоким сожалением взираем на этот процесс, который конфликтологию превращает в ремесло и объект, притягивающий к себе обыкновенных дельцов, пытающихся на незнании людей выстроить свое благосостояние. Посмотрите на убогие телевизионные сериалы, в которых до зрителей доносится суть профессии по досудебному урегулированию конфликтов, где конфликтолог превращен в обыкновенного сыщика, отыскивающего причины разразившегося конфликта— и станет понятной наша озабоченность по поводу коммерческого извращения конфликтологии. То бескорыстие, которое было свойственно конфликтологии как науке, которая только-только начинала осмысливать общественные процессы через призму противоречий, и как практике по урегулированию конфликтов, которая только-только начинала получать признание, уходит в прошлое. Наступает новая эра существования конфликтологии как коммерческого проекта, эра большой борьбы за конфликтологию и монополизации ее со стороны различных отраслей знаний, а тем самым – эра постепенной утраты ею междисциплинарного характера. И поэтому для сохранения междисциплинарных потенциалов конфликтологии и их преумножения необходима реальная защита конфликтологии от попыток низвести ее до уровня служанки, обслуживающей интересы своекорыстия. И эта защита – в нас самих, в организации конфликтологов, для которых конфликтологическая наука и практика существуют в неразрывном единстве, для которых конфликтология есть могучее средство, объясняющее, при каких условиях человек может жить без конфликтов, способ разрешения этих конфликтов и средство их предотвращения. И если, предположим (только предположим), что конфликтология выполнила свою миссию – разрешила все конфликты и предупредила их возникновение – то окажется, что человечество живет в совершенном обществе, в обществе без конфликтов. А это значит, что те законы (а конфликт – один из них), которые сегодня правят обществом и миром, превратились в свою противоположность, исчезли причины, порождающие конфликт. Это только предположение, но оно исходит из тенденций растущего понижения пагубности конфликтов, общественных и индивидуальных, и затрат на их разрешение.

Социальная цена конфликта, в какой бы сфере он не протекал, высока. И чтобы не платить эту высокую цену, необходимо, чтобы каждый индивид имел хотя бы первичные знания о конфликте, о причинах его возникновения, о закономерностях его протекания и способах его урегулирования. Эту миссию выполняет образовательная программа по конфликтологии. И мы надеемся на то, что судьба конфликтологии будет неразрывно связана с ростом образованности граждан страны в сфере конфликтного взаимодействия. Этому способствует основная образовательная программа по конфликтологии, имеющая конкурентные преимущества, заключающиеся в особенностях предмета, объекта, видов профессиональной деятельности выпускников

образовательной программы и приобретаемых общекультурных и профессиональных компетенций.

Предметом конфликтологии является конфликт и технологии урегулирования конфликтов, достижения и сохранения мира. Выпускник основной образовательной программы по конфликтологии получает углубленные знания о конфликтах, приобретает навыки работы с ними, вырабатывает умения свободно оперировать инструментарием, необходимым для предупреждения, управления и разрешения конфликтов, формирует способности самостоятельно осуществлять научную деятельность в рамках предмета исследования, реализовывать в практике разрешения конфликтов, полученные знания, приобретенные навыки и умения.

Объектом профессиональной деятельности конфликтолога является система и процесс конфликтного и мирного взаимодействия в обществе; совокупность систем, процессов, институтов, средств и гуманитарных технологий урегулирования конфликта и сохранения мира; совокупность альтернативных (не насильственных, помимо правовых) технологий урегулирования конфликтов и поддержания мира. Ни одна существующая отечественная образовательная программа не ведет подготовку специалистов, объектом профессиональной деятельности которых является конфликтное и мирное взаимодействие индивидов. Ни одна образовательная программа не ведет подготовку специалистов в области альтернативных способов разрешения конфликтов и поддержания мира. Уникальной особенностью объекта профессиональной деятельности конфликтолога является то, что конфликт, как и мир по своему проявлению, достаточно многообразен, не определяется каким-либо одним или двумя факторами и потому подготовка специалистов осуществляется на междисциплинарной основе.

Междисциплинарная основа образовательной программы позволяет подготовить выпускников ООП к разнообразным видам деятельности, необходимым сегодня для более успешной адаптации на рынке труда. В процессе обучения учащиеся подготавливаются к таким видам профессиональной деятельности, как научно-исследовательская, информационно-аналитическая, технологическая, проектная, педагогическая, организационно-управленческая деятельности. Квалификация выпускников ООП превосходит имеющиеся потребности производства в конфликтологическом знании, аналитических навыках и технологических умениях в области анализа конфликта и мира, альтернативных технологий урегулирования конфликта и достижения мира.

Уникальной особенностью ООП по конфликтологии является подготовка специалистов высокой квалификации в области альтернативных способов разрешения конфликтов и поддержания мира. Только в рамках ООП по конфликтологии приобретаются знания, умения и навыки по использованию альтернативных технологий урегулирования конфликтов и поддержания мира (переговоры и медиация), по разработке мирных практик межличностного и социального взаимодействия на основе современных методов, способов, приемов, техник предупреждения и разрешения конфликтов. Профессия медиатора и конфликтолога является общественно значимой профессией, социально-гуманитарная миссия которой заключается в проектировании и внедрении программ по снижению конфликтности и поддержания мира в практику деятельности индивидов, социальных институтов на основе использования методов и приемов неконфликтного взаимодействия.

Уникальной особенностью ООП по конфликтологии является также подготовка специалистов высокой квалификации в области разрешения конфликтов и поддержания мира в организационно-управленческой деятельности, посредством организации мирных социальных взаимодействий и минимизации конфликтного потенциала решений в управлении. Выпускники ООП обладают достаточными знаниями, навыками и умениями в конфликтологическом сопровождении деятельности различных коммерческих и некоммерческих организаций, что сегодня является необходимой составляющей их деятельности. Умение разрешать конфликт в организации, писал еще Генри Форд, сопоставимо с 25-тью годами технических нововведений.

Наиболее высококвалифицированной деятельностью конфликтолога является информационно-аналитическая, аналитико-диагностическая и экспертная оценка степени конфликтности различных сфер жизни людей. От того, насколько точно определены факторы, оказывающие влияние на конфликтные взаимодействия, зависят технологии и инструментарий работы с конфликтом. В связи с чем в ООП уделено внимание развитию компетенций, связанных с аналитико-диагностическими и экспертными способностями обучающихся, чем ООП по конфликтологии существенно отличается от иных образовательных программ.

В силу роста потребностей в конфликтологическом образовании и просвещении ООП предполагает развитие и углубление у обучающихся компетенций, связанных с педагогической деятельностью. В связи с чем в рамках ООП предоставлена возможность формирования знаний, умений и навыков педагогической деятельности, за счет увеличения количества времени, отводимого на самостоятельную педагогическую практику обучающихся.

Еще на II Международном конгрессе конфликтологов, который проходил в Санкт-Петербургском государственном университете 29 сентября – 2 октября 2004 года, участники конгресса отметили большой вклад, вносимый СПбГУ в дело подготовки конфликтологов. Подтвердили необходимость подготовки конфликтологов по образовательной программе по конфликтологии, рекомендовали Учебно-методическому совету по образованию в области конфликтологии УМО по инновационным междисциплинарным программам при СПбГУ, обратиться в Министерство образования и науки РФ с предложениями:

- создать на федеральном уровне организационные и финансовые условия для координации методологических, теоретических и методических усилий при проведении конфликтологических исследований в системе образования;
- ввести в перечень цикла гуманитарно-социально-экономических дисциплин федерального компонента ГОС ВПО учебную дисциплину «Конфликтология»;
- ходатайствовать перед Министерством образования и науки РФ о включении в перечень специальностей послевузовского образования специальность «Конфликтология» по социальным и гуманитарным наукам;
- рекомендовать Министерству образования и науки выступить с инициативой, включить в «Общероссийский классификатор должностей служащих и профессий рабочих» должность конфликтолога – специалиста по предупреждению, управлению и разрешению конфликтов в организациях, учреждениях и предприятиях;
- создать банк учебно-методической литературы по общепрофессиональным и специальным дисциплинам образовательной программы по конфликтологии.

Все эти предложения в той или иной степени были реализованы, но появляются новые проблемы современного этапа развития конфликтологии как науки и образовательной программы. Мы уверены, что и эти проблемы, стоящие перед конфликтологией, будут успешно решены, что конфликтология и как наука, и как образовательная программа, и как практика по разрешению конфликтов, внесет достойный вклад во всеобщем движении человечества к миру.

Проблема конфликта России и Европы в русской философии права

Осинов И.Д.

Проблема конфликта России и Европы наряду с другими аспектами имеет и юридический смысл, когда то или иное толкование права являлось предпосылкой культурного диалога России и Европы, или становилось барьером на пути их социокультурного сближения. Данная ситуация относится и к современности, в частности, в понимании норм международного права, а также прав человека. Уже в эпоху Просвещения – периода европеизации России русские мыслители знакомились с социальными нормами других стран. Писатель Д.И. Фонвизин в письме графу П.И. Панину пишет в 1778 году о Франции: «Здесь злоупотребления и грабежи, конечно не меньше у нас случившихся. В рассуждении правосудия вижу я, что везде одним манером поступают. Наилучшие законы не значат ничего, когда исчез в людских сердцах первый закон, первый между людьми союз – добрая вера»¹. В этих словах писателя выражены некоторые исходные постулаты консервативного взгляда на право. Несколько позже Екатерина Дашкова критиковала законодательную деятельность Петра Великого с западнической позиции. Она писала: «Если бы он не менял так часто законов, изданных им же самим, он не ослабил бы власть и уважение к законам. Он подорвал основы уложения своего отца и заменил их деспотическими законами; некоторые из них он сам же отменил»². В определённой степени данному спору о достоинстве и недостатках законов и обычаев России и Европы в этот период подвёл итог знаменитый историк Н.М. Карамзин: «Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с её дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве. Еще предки наши усердно следовали своим обычаям, но пример начинал действовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верх над старым навыком в воинских Уставах, в системе дипломатической, в образе воспитания или учения, в самом светском обхождении: ибо нет сомнения, что Европа от XIII до XIV века далеко опередила нас в гражданском просвещении», – писал он.³ В мнении историка представлена идея просвещенного консерватизма, сочетающего национальное и универсальное в праве. По его мнению, «два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Путь сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им Уставы есть насилие, незаконное и для монарха самодержавного».⁴ Вообще по мнению Карамзина авторы законов должны доказать народу их пользу, как это делал Петр Великий.

Выдающийся русский правовед и создатель «Полного Собрания Российских законов» М.М. Сперанский, рассматривая генезис российского права, отмечал: «Другая судьба предназначена нам была Провидением. Из наследства римского нам ничего не досталось. Законодательство наше должно было почерпать всё из собственных своих источников. Подражания, с XVIII в. у нас изредка являющиеся, не делают в сем правиле важного изъятия: они относились к одной только ветви законов, к учреждениям, и заимствованы были не прямо от римских, но от внутренних германских установлений. Законы гражданские, законы уголовные, законы

---

¹ Фонвизин Д.И. Избранное. М., 1983. С. 285.

² Дашкова Е. Записки. 1743-1810. Л., 1985. С. 126.

³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 31.

⁴ Карамзин Н.М. Там же. С.33.

внутреннего благоустройства и благочиния – всенарядно созданы и из своих собственных материалов».⁵ Мыслитель также уточняет, что в Уложении имеется несколько статей, сходных с Кормчей книгой и с Литовским Статутом. Первое объясняется православным происхождением Кормчих Книг, а второе – тем, что Литовский Статут был первоначально написан на русском языке и в пограничных областях мог быть еще до Уложения. В целом же эти факты, по мнению Сперанского, не доказывают близость российского законодательства с римским или Юстиниановым. Отвечая критикам, упрекавшим его в заимствовании норм западного права, он подчеркивал: «Но законы римские всегда для нас будут законы чуждые, и хотя по великому их обилию, а в некоторых частях и по великому их превосходству, они везде должны занимать важное место, но учение их у нас должно быть учением только вспомогательным, а не главным; их система должна быть приспособлена к нашей, а не наша к ним, ибо римские законы не достоинством системы отличаются: напротив известно, сколь она вообще недостаточна, но они отличаются самым существом их, здравым, практическим их смыслом, остатками древнего высокого знания и опытности»⁶. Право понимается Сперанским в тесной связи с нравственностью и предполагает осуществление нравственного порядка, где человечество «навыкает, приуготовляется, образует к нравственному единству». Нравственные законы носят всеобщий характер, так как едина правда, которая при этом конкретна, поскольку соотносится со временем и с образом жизни народа. Такая слитность естественного и нравственного начал человеческого общежития оказывается залогом единства нравственного и правового законов, формирования нравственно-правового сознания.

В последующем проблема соотношения нравственности и права стала важной теоретической предпосылкой противопоставления России и Европы. И в этом есть определённый резон, так как в западноевропейской культуре Нового времени можно заметить рационализацию философского знания, что способствовало противопоставлению юридического права и морали. В работах Г. Гроция, Д. Локка, Х. Вольфа во многом развивается рационалистическая концепция естественного права, а у И. Канта мысль о самостоятельности правового разума и его независимости от моральных постулатов и духовных предпосылок получает свое конкретное обоснование. Противопоставление морали и права также легло в основу постулата о неизбежном дуализме государства и гражданского общества, прав личности и интересов государства. Осмысливая данный процесс, Г. Берман пишет: «В результате такого же хода мысли было постепенно признано само собой разумеющимся, что право как продукт разума способно функционировать как инструмент светской власти в отрыве от высших ценностей и целей; и не только религиозная вера, но и страстная убежденность стали считаться личным делом каждого. Так не только правовая мысль, но и само здание западных правовых институтов было снято со своего духовного фундамента, а этот фундамент лишился когда-то возвышавшегося над ним строения».⁷ Согласно Н.М. Коркунову: «Выставленное индивидуалистическими теориями противоположение права и нравственности сделалось лозунгом в борьбе за свободу совести и вообще за индивидуальную свободу против системы всепоглощающей правительственной опеки».⁸

В России, в философии западничества, отчетливо выражено противопоставление характера развития правовых культур России и Европы. Согласно П.Я. Чаадаеву, народы Европы имеют общее сходство, существует связующая их в одно целое черта – христианский мир и публичное право. Идеи долга, справедливости, права, порядка создали там общество; они образуют составные элементы социального мира европейских стран. В России же «идея права для

---

⁵ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. Под ред. И.Д. Осипова. СПб., Наука. 2002. С. 147.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ Берман Г.Д. Западная традиция права: эпоха формирования. М., Изд-во МГУ. 1994. С. 194.

⁸ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Издание 8 –е. СПб., 1908. С. 42-43.

русского народа бессмыслица». «Никакая сила в мире не заставит нас выйти из круга идей, на котором построена вся наша история, который и теперь составляет всю поэзию нашего существования, который признает лишь право дарованное и отмечает всякую мысль о праве естественном». ⁹ В русском народе есть нечто «неотвратимое – полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет», народ никогда не принимает участия в социальных реформах.

В противоположность этому в славянофильской философии право аргументируется на основе категории соборности – единства права и нравственности, решается вопрос о сущности человеческой свободы, где нравственность выступает её содержанием, а право отражает её формальную сторону. А.С. Хомяков писал: «Для того, чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не от закона внешнего, который опять не что иное как сила (как, например, завоевание) но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признанная им нравственная обязанность. Она и только она, дает силам человека значение права». ¹⁰ Мыслитель выявил православные основания свободы, раскрыл ее особый смысл, «подчиняющейся безусловным началам веры» и указал на символический характер нравственной нормы, отличающей её от права, во многом связанного с деятельностью законодателя. Свобода и закон, по его мнению, находятся в контрарных отношениях и существуют в особых сферах: закон в праве, отражая внешнюю жизнь человека и общества, а свобода реализуется по преимуществу во внутренней нравственной жизни индивида. Особая роль верующего разума виделась в нравственно-правовой легитимации верховной власти. Идея соборности предполагает гармоничное единство свободных и верующих индивидуумов, согласие человека и мира. Жизненный смысл православной религии славянофилы видели в том, что соборность не противопоставляет свободу и единство общества, а предусматривает их взаимопроникновение, гармонизацию на основе закона любви. Согласно Хомякову, идея права не может разумно соединиться с идеей общества, основанного на «личной пользе, огражденной договором». «Личная польза, как бы она себя не ограждала, имеет только значение силы, употребленной с расчетом на барыш. Она никогда не может взойти до понятия о праве, и употребление слова *право* в таком обществе есть не что иное, как злоупотребление и перенесение на торговую компанию понятия, принадлежащего только нравственному обществу». ¹¹ Точно так же, согласно Хомякову, и спор о юридических правах мужчины и женщины в западном обществе подменил собой вопрос об их нравственных и равных обязанностях. Произошло это вследствие привычки в Западной Европе полагать право чем-то самостоятельным.

Н.В. Гоголь, рассматривая специфику правовой культуры Европы, отмечал её сложность и то, что гражданские законы выходят за свои пределы и вступают в области, им не принадлежащие: народных обычаев и нравственности. По его мнению: «Все до единого теперь видят, что множество дел, злоупотреблений и всяких кляуз произошло именно от того, что европейские философы–законодатели стали заранее определять все возможные случаи уклонений, до малейших подробностей, и тем открыли всякому, даже благородному и доброму, пути к бесконечным и несправедливейшим тяжбам...». ¹² Согласно Гоголю, необходимо с помощью верховной власти упростить данную бюрократическую и юридическую регламентацию жизни, а также расширить полномочия совестного суда, подчинив его принципам христианской нравственности: «Правосудие у нас могло исполняться лучше, нежели во всех других государствах, потому что из всех народов только в одном русском зародилась эта верная мысль, что нет чело-

---

⁹ Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. М., Правда. 1991. С. 203.

¹⁰ Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., Современник. 1988. С. 92.

¹¹ Там же. С. 93.

¹² Гоголь Н.В. Духовная проза. М., Русская книга. 1992. С. 211-212.

века правого и что прав один только Бог». ¹³ На основе этой мысли можно прекращать ссоры и конфликты.

Категория нравственно-правового разума в связи с анализом культурных различий России и Европы используется и в философии В.С. Соловьева, который по данной проблеме выступил антиподом Б.Н. Чичерина. Для Соловьева существование абсолютного начала божественного порядка в синтезе с конечным миром выступает как понятие высшего блага, или добра. «Так, например, подчинение народным и отеческим преданиям и установлениям есть доброе дело или нравственная обязанность в той мере, в какой сами эти предания и установления выражают добро или дают определённую форму моему *должному* отношению к Богу, к людям и к миру. Но если это условие будет забыто, условная обязанность принята за безусловную, или «национальный интерес» поставлен на место Правды Божией, то доброе может превратиться в злое и в источник зол» ¹⁴. Нравственное начало обнимает у Соловьева всю сферу общественной жизни и практической жизнедеятельности, являясь главным оправданием развития экономических, политических и правовых отношений. Так, из стремления к формальным благам возникает государство, из влечения к абсолютному существованию — духовное общество, а из стремления к справедливости — право. Указанные виды блага не равноценны, и высшим из них оказывается благо вечной жизни. В свободной теократии абсолютное благо различно для каждого и учитывает индивидуальные качества субъекта.

Философ выражал своё согласие с кантовским императивом — человек может быть только целью для другого, а не средством, но считал, что каждый человек может стать безусловной целью только тогда, когда отношения между людьми будут определяться не эгоистическим интересами и формальными правилами поведения, а безусловной любовью — законом бытия личности. Отличие этики всеединства Соловьева от автономной этики Канта заключается в доказательстве русским философом божественной природы морали и права, что возможно не только на основе живого чувства религиозной веры, но и посредством рационального обоснования практической нравственности. Подлинно нравственная деятельность состоит, по его мнению, не в формальном признании и соблюдении свободы другого человека, а в превращении ее в свою цель, в «свое другое». Человек должен относиться к другим «не как к границе своей свободы, а как к ее содержанию и объекту». Однако этот принцип может осуществиться только в «божественном порядке», в реальной же истории общество должно жить в рамках государственного закона и права. По отношению к свободе долг выступает обязанностью каждого индивида признавать свободу других индивидуумов в качестве основания своей свободы, и этот принцип реализован в праве. Принципиальная позиция мыслителя заключена в отрицании безусловной противоположности права и морали. Для него действительное противоречие существует не между моралью и правом, а между разными состояниями правового и нравственного сознания, что подтверждается неуклонным тяготением правовых норм к нравственным требованиям и позитивным взаимоотношением права и морали, что получило выражение в языке, где принцип долженствования совпадает с сознанием обязанности. Соловьев поясняет:

Во-первых: «Чисто нравственное требование предполагает нравственное совершенство или неограниченное стремление к совершенству». Поэтому нравственный идеал безусловен. Правовой же закон ограничен тем, что он требует низшей, минимальной степени нравственности, вместо совершенства он требует низшей, минимальной степени нравственного состояния, лишь фактической задержки известных проявлений безнравственной воли. Право — есть минимум нравственности.

---

¹³ Гоголь Н.В. Там же. С. 186.

¹⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., Мысль. 1990. С. 94.

Во-вторых, исполнение нравственных требований не «обуславливается непременно, а также не исчерпывается никакими определенными внешними проявлениями или материальными действиями» Напротив, юридическим законом предписываются или запрещаются вполне определенные внешние действия. По мнению Соловьева, данное различие подчеркивает единство нравственности и права, так как требование нравственной установки человека не только не исключает внешних поступков, но вообще прямо их предполагает как свое доказательство или оправдание. С другой стороны, предписание определенных действий не отрицает соответствующих им внутренних состояний. Нравственный и юридический закон относятся к воле человека, но первый берет эту волю в её общности, а второй – лишь в частичной реализации.

В-третьих, требование нравственного совершенства как внутреннего состояния требует свободного исполнения, и напротив — внешнее осуществление закономерного порядка допускает принуждение. Соловьев определяет право как «принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла»¹⁵. Из «встречи» индивидуальной свободы и общественного блага рождается право. Оригинальность воззрений Соловьева в том, что частные отношения людей им понимаются в контексте нравственности, а не права. Его не устраивает присущая европейскому либерализму дифференциация частного и публичного права, внутренней и внешней свободы, и он не согласен с однозначным противопоставлением гражданина человеку.

По его мнению, человек должен быть нравственным свободно, а для этого ему нужна некоторая свобода быть безнравственным. Граница нравственного и безнравственного пролегает в самосознании и относится к частной жизни. Право же в «известных пределах» обеспечивает за человеком эту свободу, нисколько не принуждая к её использованию. Только тогда, когда злая воля покушается на объективные публичные права и грозит безопасности общества, интерес общего блага должен ограничить свободу зла. Сущность права состоит в сохранении равновесия личной свободы и общего блага и последнее может только ограничить свободу личности, ни в коем случае не упраздняя её, ибо тогда указанное равновесие было бы нарушено.

Соловьев указывает также и на характерное отличие западного и восточного типа государства, заключенное в том, что западное государство – условие равновесия множества сил и интересов, отраженных в законе. «Каждая из борющихся сил выставляет свое право, но эти права, сами по себе неопределенные и безграничные, а потому и исключают друг друга, могут уравновеситься только под условием общего для них предела. Этот общий предел всех прав, перед которым все равны, и есть закон. Западное государство, как равновесие борющихся прав, есть по преимуществу государство закона».¹⁶ Воплощение закона есть власть, и из античности и римского права пришла идея власти как живой действительной силы. На каком-то этапе она потеряла эту силу и уступила свое место христианскому государству, в котором существующие права человека даны не из безграничного эгоизма, а из нравственной бесконечности человека. Закон существует не в смысле простого узаконения действительных отношений, а в смысле их исправления по идеям высшей правды. Христианство, возвышая религию над государством и правом, тем самым освобождает общество от всевластия государства и создает общество свободных личностей. Можно утверждать, что философия Соловьева явилась результатом творческого синтеза божественного права и концепции права как этического минимума. Он конструирует абсолютный нравственно-правовой идеал, не предлагая его юридической формы, и с позиции естественного права критикует европейский юридический позитивизм.

---

¹⁵ Там же. С. 450.

¹⁶ Соловьев В.С. Духовные основы жизни. СПб., Марс. 1995. С. 128. 26

В русской философии существует и иная точка зрения на правовые культуры России и Европы – по ту сторону западничества и славянофильства. В этой связи надо назвать А.Д. Градовского, который указал, что политическое учение славянофильства «есть теория юридически бесформенного государства, построенного на одних нравственных началах».¹⁷ Альтернативой этого государства является государство, которое обеспечивает совокупность личных законных прав. По мнению Градовского, если законы не обеспечивают собственности, свободы, труда, то человек как субъект гражданского права не существует. И если законы не обеспечивают возможности выражения духовных способностей человека, то он не существует в качестве субъекта духовной жизни. Градовский также подчеркивал, что государство по мере своего развития всё в большей степени приобретало также и нравственную миссию. «От азиатских государств европейские государства отличаются именно степенью уважения и достоинства, каким в них пользуется человеческая личность. И именно потому, что Россия смогла понять это начало и воспринять его, она также есть государство *европейское*».¹⁸

Таким образом, в русской философии имеется традиция компаративного изучения правовых культур России и Европы, где существовали различные позиции. Объективно в этой традиции отразились процессы формирования национальной идентичности российского общества, которая для России во многом исходила из сравнения с европейской правовой культурой. Это было вполне естественно, учитывая давние связи России и Европы. Конфликтологический контекст данной проблемы заключается в том, что правовая философия России выявила также и различие в конфликтопонимании культур России и Западной Европы.

---

¹⁷ Градовский А.Д. Сочинения. СПб., Наука, 2001. С. 464.

¹⁸ Там же. С. 471.

Конфликт в зеркале социальной философии

Попов М.В.

Философия, как известно, изучает всеобщее. Отрицание всеобщего есть особенное. Единичное как отрицание особенного есть отрицание отрицания, то есть возвращение ко всеобщему как целокупности, сохраняющей и включающей в себя богатство особенного и единичного. Как таковое оно есть, следовательно, конкретно-всеобщее. Это полностью применимо и к социальной философии, предметом которой является жизнь общества. Социальная философия в результате своего исследования дает не такое абстрактное, которое находится рядом с особенным, а такое, которое вбирает в себя все богатство особенного и единичного. Социальной философии поэтому есть что сказать и о понятии конфликта.

Нет ничего ни в природе, ни в обществе, что не содержало бы в себе противоречий как единства и борьбы противоположностей. Методом изучения противоречий является, как известно, диалектика, которая позволяет осуществить осознание формы внутреннего самодвижения содержания исследуемого предмета. А самодвижение содержания осуществляется благодаря его противоречиям, являющимся источником самодвижения.

Поскольку в обществе все течет, все изменяется, момент сохранения всякого явления находится в единстве и борьбе с моментом перехода в иное. Момент равенства с собой называется *в-себе-бытие*, момент неравенства с собой – *бытие-для-иного*. То есть в каждом явлении есть противоречие движения, с которым связаны противоположные тенденции равенства и неравенства явления с собой. Те субъекты социальной жизни, которые последовательно выступают за сохранение имеющегося состояния, неизбежно вступают в борьбу с теми, кто настаивает на переходе в иное состояние. Под субъектами социальной жизни при этом понимаются не только отдельные люди, но и классы, слои, различные экономические и другие общественные и государственные органы и организации. Если эта борьба обостряется до такой степени, что спорами дело не ограничивается и стороны силу аргументов заменяют аргументами силы, противоречие сторон перерастает в **конфликт**.

Конфликты *разрешаются* на основе разрешения *породившего их* противоречия. В зависимости от того, каково содержание противоречия, лежащего в основе конфликта, конфликтолог как активная действующая сознательная сила стремится или умерить, смягчить борьбу сторон и тогда он выступает как медиатор, либо он решительно становится на одну из сторон, если эта сторона представляет собой сторону прогресса, борющуюся с реакцией. Таково общественное предназначение и призвание конфликтолога.

Развитие социальной жизни – это вовсе не любое движение. Это движение от низшего к высшему, от простого к сложному, и совершается оно через борьбу противоположных тенденций, находящихся в единстве. Тенденция, по направлению совпадающая с направлением развития, выступает как прогрессивная, а противоположная направлению развития – как регрессивная, реакционная. В борьбе прогрессивных и реакционных тенденций конфликтолог не может занимать позицию середины, а призван поддерживать прогрессивную сторону против реакционной.

Отнюдь не всякий конфликт может считаться чем-то негативным. Вряд ли конфликтологу следует убеждать тех, кто борется за прогресс и справедливость, за социальное равенство и против эксплуатации, прекратить борьбу и не идти на конфликт с реакционерами, угнетателями и эксплуататорами. Странно было бы, если бы прогрессивное государство не шло на конфликт с преступниками, в том числе убийцами, насильниками и торговцами наркотиками, если бы оно не поддерживало, в том числе на международной арене, борьбу с фашизмом как

открытой террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов финансового капитала.

В целом же конфликт есть обострившееся противоречие, проявляющее себя как столкновение, острая борьба субъектов социальной жизни, отстаивающих противоположные тенденции, порожденные данным противоречием.

Социальная философия учит не ограничиваться лишь бытием, поверхностью явлений, а проникать в их сущность, раскрывая прежде всего экономическую подоплеку конфликтов, вскрывая связь конфликтов с экономическими интересами борющихся сторон. Поэтому важным моментом конфликтологического исследования является изучение структуры экономических интересов субъектов социальной жизни, характеризующих их экономическое бытие.

Экономические интересы – это такая характеристика положения людей в системе производственных отношений, которая показывает, какие действия или изменения улучшают или ухудшают это положение и в какой мере, что выгодно или невыгодно субъектам производственных отношений и в какой степени. Экономические интересы бывают долговременные и сиюминутные, коренные и побочные, и вообще с каждым экономическим действием или изменением связан какой-либо экономический интерес. Любой отдельно взятый интерес противоречит всем остальным интересам как данного субъекта, так и других субъектов, но на этом основании, строго говоря, о конфликте интересов в буквальном смысле говорить нельзя, поскольку конфликтуют люди, руководствующиеся теми или иными интересами, а не сами интересы.

Сложность общественной жизни проявляет себя и в том, что чрезвычайно высокое значение имеет сознание. Люди нередко защищают, отстаивают или борются вовсе не свои интересы, а за те, которые ошибочно считают своими или воспринимают как свои. В первую империалистическую войну огромные массы трудящихся умирали за интересы империалистической буржуазии своей страны, а во вторую мировую войну немецкие рабочие, мобилизованные фашистским государством, несли смерть своим братьям по классу, имеющим близкие экономические интересы. Сегодня в рамках политики американского фашизма на экспорт украинские гауляйтеры американского финансового капитала устроили кровавую бойню, мобилизуя трудящихся западных регионов и бросая их умирать и погибать в вооруженной борьбе со своими братьями в Новороссии. Отсюда одна из важнейших задач конфликтолога – помочь субъектам общественной жизни осознать и правильно понять свои экономические интересы. При этом надо владеть не только категорией экономических интересов, характеризующих экономическое бытие, но и категорией психологических интересов, которая фиксирует и выражает концентрированную направленность внимания людей на удовлетворение каких-либо потребностей и является характеристикой их сознания. В то же время подменять экономические интересы психологическими недопустимо ни в конфликтологическом исследовании, ни в конфликтологической практике.

Объективное положение людей в экономике включает в себя место в исторически определенной системе общественного производства, роль в общественной организации труда, отношение к средствам производства, размер и способ получения той доли общественного богатства, которой они располагают. По своему объективному положению в системе производственных отношений люди делятся на классы, и борьба за классовые интересы порождает классовые конфликты. В антагонистических обществах это конфликты между рабами и рабовладельцами, крепостными крестьянами и феодалами, между рабочими и буржуазией, имеющими прямо противоположные экономические интересы. В первой фазе коммунизма, при социализме, как показал исторический опыт, продолжается классовая борьба, которую рабочий класс в союзе с колхозным крестьянством и интеллигенцией ведет с мелкобуржуазными попытками дать обществу поменьше и похуже, а получить от него побольше и получше. Поэтому бесконфликтным социалистическое общество считать нельзя. Можно констатировать, что и рабо-

владельческое государство, и феодальное, и социалистическое как организации принуждения в интересах соответствующего правящего класса подавляют, то есть репрессируют, своих противников – и это исторический факт.

Классовая борьба за завоевание, удержание и осуществление государственной власти составляет суть политики, так что на основе классовой борьбы возникают и разрешаются политические конфликты, нередко заканчивающиеся революциями или контрреволюциями. Войны как политические конфликты могут быть определены как вооруженная борьба классов (гражданские войны), наций (национальные войны) или государств (обычные войны между государствами). Чаще всего такие конфликты, как войны, разрешаются победой одной из сторон, но большевики показали пример прекращения войны путем превращения империалистической войны за передел мира между крупнейшими империалистическими хищниками, в войну гражданскую. Благодаря Советской социалистической революции в России первая империалистическая мировая война, которая представляла собой настоящую бойню народов, была остановлена.

Внутриклассовые противоречия имеют, разумеется, меньшую остроту, поскольку противоречия экономических интересов людей, принадлежащих к одному и тому же классу, не столь сильны, как противоречия интересов представителей противоположных классов. Общность коренных интересов членов одного и того же класса позволяет на основе этой общности гасить внутриклассовые конфликты, и это важная задача конфликтолога, выступающего в данной конкретной ситуации в качестве *медиатора*.

При этом следует иметь в виду, что и у представителей противоположных классов, находящихся не только в борьбе, но и в единстве противоположностей, могут быть общие интересы – опираясь на которые, можно успешно разрешать некоторые конфликты между представителями противоположных классов. Так, например, конфликт между работниками и работодателями по поводу повышения уровня реального содержания заработной платы может быть разрешен на основе внедрения достижений научно-технического прогресса, совершенствования средств производства и повышения производительности труда. Ведь рост производительности труда уменьшает издержки на зарплату в единице продукции и позволяет поэтому одновременно увеличивать прибыль работодателя и зарплату работников. Это относится к разрешению одного из самых распространенных социально-трудовых конфликтов, приобретающего особую остроту, когда работодатели вместо того, чтобы обеспечивать техническую возможность повышения производительности труда, понуждают рабочих работать сверх нормального рабочего времени или увеличивать интенсивность труда, которая вовсе не тождественна его производительности, приводя не к уменьшению, а к увеличению затрат труда на единицу продукции и на единицу времени. Опыт показывает, что наилучшим средством разрешения социально-трудовых конфликтов является составление и заключение прогрессивных коллективных договоров, позволяющих обеспечить развитие производства и улучшение условий труда и оплаты работников.

Немалую остроту имеют конфликты между нациями, то есть такими социальными общностями, которые складываются на основе общности территории, экономики, языка и культуры. Исторический опыт успешного разрешения национальных конфликтов подтвердил известный ленинский вывод о том, что разрешаются они не на основе насильственного удержания в едином государстве борющихся за свои интересы наций, а на основе признания права наций на самоопределение вплоть до отделения, и этот принцип выше принципа территориальной целостности государства, порождающего разжигающие национальные конфликты попытки силой удержать в рамках единого государства нацию, добивающуюся своей независимости. Однако одно дело – признавать право наций на самоопределение, а другое – призывать к отделению. Стремиться следует к соединению в более крупное государство, в котором будут ува-

жаться права и интересы всех входящих в него наций, что может быть осуществлено благодаря федеративному устройству государства.

Страшной бедой для народов всего мира обернулось нашествие наркомафии, расширяющее число наркозависимых и число смертей от потребления наркотиков. Наркотик – это такое вещество, которое не просто вредит организму человека, но прежде всего подавляет волю к сопротивлению его потреблению и порождает наркозависимость. С другой стороны, для товарного хозяйства наркотик – это идеальный товар, который позволяет получать при малых затратах такой большой доход, который не дает производство других товаров. Как известно, чем больше предполагаемая прибыль, тем на более страшное преступление готов пойти капиталист как персонифицированный капитал, гонимый жадой наживы. Чтобы разрешить противоречие между *обществом как реальностью* и *наркоугрозой как его отрицанием* в нем самом, чтобы в корне покончить с этим злом, нужен не тот способ производства, экономическим законом движения которого является извлечение максимальной прибыли, а тот, целью производства в котором было бы обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Государство не может не конфликтовать с носителями таких государственных болезней, как коррупция, бюрократизм, карьеризм, ведомственность и местничество, источником которых являются попытки чиновников поставить свои особые интересы выше государственных. Общий рецепт борьбы с этими болезнями – в том, чтобы создать общество, в котором бы господствовал принцип приоритета общественных интересов, все на время становились бы «бюрократами» и поэтому благодаря всеобщему участию в управлении никто бы не мог стать бюрокрatom.

Поскольку конфликтолог – это специалист по разрешению противоречий, можно сделать вывод, что главной дисциплиной для конфликтологов является диалектика как наиболее полное и универсальное учение о противоречиях. По сути дела конфликтолог – это прикладной социальный философ, призвание которого – ускорять социальный прогресс, и не случайно, а закономерно то, что в Санкт-Петербургском государственном университете подготовка конфликтологов ведется на базе Института философии СПбГУ. В свою очередь, отношение к социальной философии как к теоретической основе разрешения противоречий социальной жизни побуждает и к более глубокому изучению философии как таковой.

Политико-культурные измерения социальных конфликтов

Завершинский К.Ф

Исследование природы и влияния культурных факторов в возникновении социальных конфликтов опирается на достаточно длительную традицию социально-философской и социологической рефлексии. Вместе с тем, предметные измерения этой области конфликтологических исследований остаются в значительной степени размытыми. Отсылка к ценностным основаниям социальных конфликтов или универсалистским моделям "конфликта культур" в условиях нарастания культурных различий часто затеняет реальные предпосылки превращения ценностно-нормативных императивов в "принуждающую силу" – в непримиримое социальное противодействие.

При анализе многообразных культурных, в том числе и ценностных измерений социальных конфликтов, так или иначе воспроизводится эпистемологическая дихотомия нормативно-этического и позитивистско-инструменталистского, когда ценностная составляющая рассматривается как производная от аксиолого-идеологических концептуализаций или эмпирических калькуляций инструментальной эффективности публичных ценностей в теориях рационального выбора (широко используемых в практиках медиации социокультурных конфликтов). В подобных концептуализациях роли культуры или культурной составляющей социальных конфликтов нередко исчезает значимость различия, на которое в свое время обращал внимание конфликтолог Л. Козер. Социокультурные ожидания (даже антагонистического плана) необязательно выливаются в социальный конфликт, который необходимо предполагает социальное взаимодействие. Для возникновения социального конфликта важны "промежуточные переменные", связанные со способом легитимации власти и системы статусов¹⁹. Используя логику анализа Л. Козером социальных конфликтов, в сложнодифференцированном обществе существующие социальные группы отождествляют себя не только с социально-экономическими и политическими ассоциациями, но участвуют во многих ассоциациях и группах, представляющих их интересы в разнообразных конфликтах со множеством религиозных, этнических, статусных и политических группировок.

Признавая значимой посылку многих классиков социологии конфликта о *корреляции политических и культурных факторов как источника трансформации социальных ожиданий в социальные конфликты и значимости исследования институционализации "символов-побуждений" в динамике социокультурных групп*, нельзя не видеть их некоторую односторонность. Легитимность, институциональная устойчивость и эффективность политико-управленческих элит находятся в противоречивой взаимосвязи с ожиданиями социальных акторов даже при наличии общей установки на публичную значимость тех или иных «универсальных ценностей». В такой же степени легально-рациональная точка зрения на природу культурных ценностей, акцентирующая инструментальную активность профессиональных сообществ по их производству, не объясняет – почему очевидные и значимые для всех попытки социальных реформ блокируют возможности инноваций, а институционализация аксиологии «свободы» и «справедливости», используемая элитами для легитимации подобных модернизаций, порождает «симулякры» гражданской идентичности в виде паразитических маргинальных групп и ксенофобию этнорелигиозного «возрождения» у политико-административных элит?

---

¹⁹ См., напр.: Козер Л.А. Функции социального конфликта//Американская социологическая мысль. -М.– 1996.С.542-556; Козер Л. Функции социального конфликта. М.: «Идея-Пресс», 2000.С.58-60, 102.

Доминирующие сегодня теории культурных измерений параметров возникновения социальных конфликтов сконцентрированы преимущественно на изучении содержания ценностей и достижения консенсуса между их носителями в процессе инкорпорирования ценностного содержания в институциональные правила игры, оставляя без внимания иные измерения культурной динамики и специфики легитимации публичных ценностей, прежде всего, оставляя «за скобками» вопросы о том, как «работают ценности» и что превращает их в «принуждающие символы».

Ценности глубоко интегрированы в многообразные представления о социальной реальности и зависят от них – в частности от тех, которые номинируют понятием «*символические структуры*». Это актуализирует теоретические суждения авторитетного нидерландского исследователя символических измерений коммуникативного процесса, который акцентировал внимание на том, что власть элит в современном обществе реализуется на основе имеющегося у подобных групп символического капитала, используемого ими для социального конструирования и поддержания дискурсивных структур, что в свою очередь обеспечивает их политическое доминирование посредством контроля «над сознанием аудитории»²⁰.

Именно они, как полагают представители новых, междисциплинарных направлений в социологическом исследовании места и роли культурных факторов в социальной динамике современного общества, в значительной мере определяют смысловые рамки социальных ожиданий и задают структуру ценностных предпочтений. Подобные методологические стратегии до сих пор не привлекают должного внимания в исследованиях культурных параметров разворачивания социальных конфликтов. Рассматривать ценности как нечто присущее современным акторам социальных взаимодействий, облегчающим или усложняющим их функционирование в процессе социального конфликта, упрощает процесс возникновения социальных конфликтов как следствия сбоя в рационализации и институционализации социальных взаимодействий.

Все социальные конфликты связаны с символическими средствами коммуникации, характерными для тех или иных социальных систем и общностей, обеспечивающих их идентичности и различия. Они не только и не столько отражают некую реальность, сколько результат наблюдений социальными акторами за действиями других в социальных системах и, будучи трансформированы в символическую политику, порождают у них символические конфигурации социальных ожиданий. Коды, «символические ключи-ориентиры» (Л. Козер) участников социального конфликта достаточно вариативны, и их воздействие часто предопределяется не столько объективными факторами или способностью медиаторов управлять с помощью социальных правил и норм течением конфликта, а реакцией агентов на "символические события", возникающие в процессе символизации, типизации пространственно-временного распределения ситуаций и символических репрезентаций властных иерархий и практик принуждения. При этом подобные типизации весьма часто "обнаруживают" черты мифа и ритуализированных практик.

В этом контексте обоснованными представляются методологические ремарки Н. Лумана о необходимости преодолевать аксиологические построения телеологического плана при описании противоречий социальных коммуникаций. Ценности, ценностные обоснования в процессе коммуникативного взаимодействия – своего рода «слепые пятна»²¹, которые побуждают социальных акторов к поиску символов согласия («схем согласия») на основе разграничения «истинных» политических ценностей и антиценностей («политического цинизма»), сами по себе не выступают в качестве оснований устойчивого структурирования социальных коммуникаций в современном обществе. Ценности, как осознанные или неосознанные представления

---

²⁰ См.: Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С.32.

²¹ Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества //СОЦИО-ЛОГОС. – М.: Прогресс, 1991. С.206.

о должном и желаемом, создают смысловой фон для выбора альтернатив и облегчают коммуникацию в условиях ее непредсказуемости, проверяя на адаптивность программы политических действий, выявляя их относительность²². Однако, в условиях множественности и дифференцированности современных элит ценностные обоснования в современном обществе (хотим мы это признать или нет) реализуются через идеологию и публичную риторику, где идеология нередко «совершает великие преступления, а аргументация – мелкое жульничество»²³.

Легитимация «авторитарного» распределения ценностей посредством этического просвещения и разработки этических кодексов государственной службы, на чем акцентируют сторонники программ морального просвещения и образования при реализации публичной политики и урегулирования конфликтов в гражданском обществе²⁴, в реалиях современных коммуникаций не является достаточным условием для роста легитимности и институционализации публичных ценностей как условия принятия эффективных политических решений. Публичное пространство в модернизирующихся обществах может легитимироваться весьма вариативными системами ценностных предпочтений по вопросу соотношения публичного и частного²⁵, а измерения взаимосвязи общественного мнения в публичных пространствах и публичной политики не должно основываться на нормативных критериях²⁶.

Комплементарным подобным методологическим установкам выглядят теоретические послышки о культурных измерениях социокультурной динамики, представленные в современной культурсоциологии. В связи с этим представляется весьма ценной методологическая установка на исследование культурных процессов, обозначенная в работах авторитетного представителя современной «культурсоциологии» (cultural sociology) Дж. Александра. По его утверждению, в большинстве моделей традиционной социологии культуры культурные измерения не выступают независимыми переменными, а являются производными от более «жестких» переменных социальных структур. Однако «сильная программа» (strong program) исследований культурных феноменов, выявляющая многоаспектность их воздействия на формирование социальной жизни, должна опираться на когнитивный анализ символических структур сетей смыслов. Именно этим она должна отличаться от «слабых программ», в рамках которых ценности, нормы, идеологии описываются в качестве производных от институционального строя или культурных форм «радикальной рефлексивности акторов»²⁷. Представляет в связи с этим интерес операционализация подобной исследовательской программы «культурной прагматики» в концепции «социального перформанса», нацеленной на связь структуралистских стратегий исследования смысловых структур и практик символического конструирования социальной реальности. Даже самые демократические страны и индивидуализируемые общества нуждаются в мифо-ритуальных практиках для поддержания коллективных представлений. Мифы обеспечивают ритуализацию современных практик социального доминирования, обеспечивая «повсеместность» присутствия культурных кодов. Социальный перформанс, включающий многослойный процесс символического конструирования и средств символического производства социальной власти порождает сакральные объекты и многообразные

---

²² См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: НАУКА, 2007. С. 419.

²³ См.: Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Издательство «Логос», 2005. С.178-179, 258-260.

²⁴ См.: Sullivan E., Segers M. Ethical Issues and Public Policy // Handbook of public policy analysis: theory, politics, and methods / edited by Frank Fischer, Gerald J. Miller, and Mara S. Sidney. London, New York: CRC Press, 2007. P. 309-327.

²⁵ Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков, 2006. С. 272-273.

²⁶ Burstein P. Public Opinion, Public Policy, and Democracy // Handbook of Politics. State and Society in Global Perspective / Edited by Kevin T. Leicht. New York, London: Springer 2010. P. 74-79.

²⁷ Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. N.Y.: Oxford University Press, 2003. P. 11-26; Alexander J. C. Clifford Geertz and the Strong Program: The Human Sciences and Cultural Sociology // Cultural Sociology – Los Angeles, L., 2008.– Volume 2(2). –P. 157–168.

символические фигуры взаимодействия²⁸. Выявление потенциала действенности и, соответственно, конфликтогенности подобных фигур позволяет перевести в плоскость конкретного анализа влияния ценностно-легитимных способов символизации в повседневные практики и наоборот.

Как представляется, важным звеном исследования перформативного эффекта символических структур в возникновении, развертывании и управлении социальными конфликтами может сыграть исследования «социальной», «культурной» и «исторической памяти», достаточно широко представленные в дискурсе социологии и исторической науки двух последних десятилетий. Новый импульс подобного рода исследованиям придали политические и идеологические трансформации постсоветского и постсоциалистического пространства, побудившие сосредоточить внимание на изучении конфликтогенности процессов институционализации современных способов символического конструирования социальной памяти: «политики памяти», «политики идентичности», «политизации истории» и «исторической политики».

В связи с этим представляется перспективным изучение динамики политико-культурных конфликтов, обращаясь к методологическому инструментарию исследования пространственно-временных структур политической памяти, предопределяющих динамику и направленность способов описания и обоснования политической реальности. Время при этом понимается как специфическое «измерение смысла» (культурное измерение) событий политической коммуникации, когда символическое является замещением «множества» этих событий, являясь их «архивированной» презентацией.

Не следует забывать, что социальный порядок, как заметил в свое время немецкий социолог Н. Луман, образуется тогда, когда кто-то «запускает время», запускает действие, делает предложение или самопрезентацию, ставя других перед необходимостью реагировать. В основе подобной «синхронизации» восприятия социальных акторов лежит семантическая процедура типизации повторяющихся событий, «исчисления времени», которое зависит «от более или менее типизированных, повторяющихся событий их системной истории». «Системная история, совместно переживаемая и вспоминаемая, – важная предпосылка взаимопонимания, и ее невозможно заменить объективно фиксированной мировой историей». Когда история приобретает значимость, она становится одновременно и более условной, одновременно памятью и забвением²⁹. От коммуникативных возможностей подобного баланса событий прошлого и настоящего зависит эволюция или инволюция социальной системы современного общества³⁰.

Подобная стратегия позволяет снизить нормативный и аксиологический потенциал более традиционных интерпретаций динамики политико-культурных конфликтов, предопределяющих динамику и направленность способов символического конструирования или разрушения политического порядка. Информация в социальной памяти организована на основе ментальных репрезентаций (ментальных структур). Субъекты в результате динамики подобных структур порождают модели событий и действий (событийные модели), определяющие содержание значений дискурсов и обеспечивающих связь и синхронизацию кратковременной памяти (личностной) и социальной³¹. Показательны в связи с этим суждения сторонников исследования социальной памяти о том, что «синтез времени и идентичности осуществляется посредством памяти». Понятие памяти – это не метафора, а метонимия, нацеливающая на выявление, артикуляцию связи идентичности и времени, где память выступает своего темпоральной

---

²⁸ Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy *Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual* /edited by Jeffrey C. Alexander, Bernhard Giesen, Jason L. Mast Cambridge University Press 2006. P. 29-89.

²⁹ См.: Луман Н. Мировое время и история систем. Об отношениях между временными горизонтами и социальными структурами общественных систем// ЛОГОС. М., 2004. № 5 (44). С. 131-168.

³⁰ См.: Луман Н. Эволюция. М.: Издательство «Логос», 2005. С.54.

³¹ См.: Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации – М., 2013, С.208,215.

структурой, предопределяющей специфику отношений идентичности и времени, символической взаимосвязи между «вспоминающим разумом и напоминающими объектами»³². Развивая теоретическую посылку Я. Ассмана, «память» – метонимия, которая, благодаря своей семантике, первоначально частной по отношению к понятию «культура», постепенно должна заместить и обогатить смысловое содержание концепта «культура». С помощью понятия памяти можно строить цепочку новых таксономий, которые существенно расширяют возможности анализа идеальных процессов. Если концепт «культура» в традиционном социогуманитарном дискурсе позволял отвечать на вопрос «что является содержанием идеального» («ценности», «идеалы». «нормы»), то концептуализация идеального посредством «памяти» позволяет отвечать на вопросы, как и каким образом «идеальное имеет значение».

Примером может служить практика использования понятия «память» Н. Луманом, где культура трактуется как специфическая историческая форма социальной памяти. Процедура же запоминания предстает как семантическое конструирование горизонтов и «рамок», структур смыслов. Сторонники перформативного анализа влияния символических структур связывают их действенность именно с ролью метонимических приемов в мифической символизации. Многослойная социальная память – это своего рода смысловой горизонт, «пластичная власть», «фильтр», осуществляющий контроль за отбором того, какие социальные события являются «жизненно важными», а что подлежит забвению и вытеснению на периферию. Именно этот «горизонт» определяет появление и специфику социальных идентичностей или их конфликта, содействуя возникновению устойчивых взаимосвязей или нарастанию противоречий между персональной памятью и памятью группы³³.

Определяющую роль в подобном конструировании и структурировании социальных событий (смысловых комплексов) играет символическое конструирование «темпорального режима» политических коммуникаций, где «политическая память социальной системы», как динамическая взаимосвязь символических схем ретроспекций и проекций политических событий, является своего рода символическим ядром. Исследование политической памяти предполагает рассмотрение политических событий как «производных» от темпоральных структур, «порядка времени», которые могут использоваться для сравнительного политологического анализа потенциала конфликтогенности при взаимодействии конкретно-исторических форм политической памяти.

Реализуя функции легитимации или делегитимации через поддержание динамического баланса в воспоминаниях субъектов власти и подвластных, функциональная память порождает формы политической памяти, создавая особые идентичности (этнополитические, национальные) и символическую политику сохранения памяти. Национальная память как историческая модификация политической памяти выступает наиболее эффективным способом поддержания и реконструкции семантически значимого прошлого в силу своей временной структуры, обеспечивающей большую «растяжимость во времени», играет ведущую роль в легитимации политических институтов и конструировании политической идентичности посредством символизации событий героического и жертвенного³⁴.

Так, подобные установки и способы анализа символической политики прослеживаются в работах по сравнительному исследованию «темпоральных культур» («темпоральных» кодов) тоталитарных и авторитарных политических режимов. Это позволяет прояснить специфику практик легитимации и причины эффективности/неэффективности политики элит в зависи-

---

³² См.: Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. – Berlin/New York, 2010, P. 109-110.

³³ См.: Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. – New York, 2006, P.210-226.

³⁴ Assmann A. Memory, Individual and Collective // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis/Ed. by Robert E. Goodin & Charles Tilly. – New York: Cambridge University Press, 2006. – P.210-226.

мости от их темпоральной ориентированности на «прошлое» или «будущее», как «мерило» настоящего³⁵.

Это позволяет прояснить причины эффективности/неэффективности политики элит в зависимости от их темпоральной ориентированности на «прошлое» или «будущее», как «мерило» настоящего. Политику же памяти можно представить как обоснование «прошлых», «настоящих» и «будущих» сюжетов политического курса, которые выступают своего рода программами возможного хода политических событий. При этом не все сюжеты содействуют темпоральному структурированию и соответствуют перспективным векторам эволюции политической действительности, порождая острые культурные конфликты.

Актуальность исследования символических структур политических коммуникаций, презентующих семантический симбиоз архаических и современных символов политического доминирования достаточно очевидна в контексте современных информационных войн и конфликтов. Обуздание и провоцирование современных политических конфликтов напрямую зависит от использования символического капитала политической памяти сообществ, актуализации и символизации ее мифических компонентов и практик их политической ритуализации.

Исследование семантического потенциала политического мифа и ритуала как «симбиотического основания» современной символической политики позволяет выявить причины «жизненности» политического мифа и ритуала в современных политических коммуникациях. Представляется, что способность их семантических структур к исторической эволюции и инкорпорированию в структуры современных политических коммуникаций обусловлены специфической коммуникативной функцией мифического – контроль за телесными практиками («использованием тела») при социальном конструировании политической идентичности.

«Симбиотический механизм» (Н. Луман) политических мифо-практик обеспечивает символический контроль над использованием насилия при принятии политических («обязывающих», «принуждающих») решений, продуцируя специфический символический капитал, обеспечивающий репрезентацию телесности (ее «симбиоз») с более сложными способами символического кодирования политического. Включение контроля телесности в символизм политических коммуникаций ведет к многообразным и вариативным «комбинациям телесности и функционально-специфической коммуникации» (А.Ф. Филиппов). Подобные симбиотические символы (восприятия рисков политического насилия и ограничений в его использовании), их конфигурации, блокируют или приводят в действие «надежные» или «ненадежные» политические ожидания, активируя в них специфический опыт пережитого самими участниками или их предшественниками политических травм. В связи с этим структура симбиотических символов выступает важным семантическим пластом современной политической памяти, обеспечивая темпорализацию политических ожиданий в форме символизации фоновых практик готовности к «самоотдаче» и «жертвенности» в процессе политических коммуникаций.

Показательна в этом отношении противоречивость и конфликтность практик политической памяти, характерных для ряда постсоветских государств. В некоторых бывших союзных республиках это стимулировало возникновение острых культурных расколов, практик фашизации общества и этнического геноцида. Источником культурных конфликтов может быть нарушение баланса синхронизирующей и диахронной функции режима политического времени в процессе социального конструирования политической идентичности, что блокирует процесс политической эволюции. Примером может служить появление «семантических дыр» (потенциала конфликтогенности) в эволюции российской политической культуры, в результате радикальной деконструкции структур советской политической памяти, что блоки-

---

³⁵ Сабров М. Время и легитимность в немецких диктатурах XX века (сравнительный анализ) // НЛО. – М., 2009. – №100 – Режим доступа /<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/sa111-pr.html> (Дата посещения 10.10.2014).

рует процесс конструирования будущего из настоящего, лишённого структурного «сцепления» с событиями недавнего прошлого.

Этнизация «политического насилия, вынесенная за горизонт исторического времени и представленная как абсолютное мифическое или теологическое событие «становления нации», становится способом деконструкции структур советской политической памяти. В основе подобных символических практик лежит процедура семантического отождествления насильственных событий «далекого» и «недавнего прошлого» (жертв этнических предков во имя «Родины», коммунистического и нацистского насилия, «ассимиляторской политики» «власти советов») для конструирования сюжетов будущего «вхождения» в пространство социальной памяти «демократической толерантности и согласия». Подобная символическая реконструкция политических ожиданий, на первый взгляд, может привести к оформлению структур национальной, европейской идентичности, как это прослеживается в некоторых сегментах постсоциалистического пространства.

Вместе с тем, в России этнизация событий политической памяти при структуризации политических ожиданий не привела к конституированию национальной памяти, а воспроизвела противоречия в сюжетах политического времени и породила политические расколы в идентичностях. В относительно автономных и неоднородных этнически политических пространствах подобная темпорализация этничности, пользуясь метафорой языка информатики, не порождает «интерфейса», состояния совместимости программ политической памяти. Стремление использовать темпоральное программирование региональной политической идентичности на основе типизации событий этнического насилия в качестве символического ресурса национальной идентификации становится препятствием для конституирования национальной политической памяти. Возникающая при этом символизация мифического обоснования враждебности в процессе политической легитимации всегда трансформируется в насильственные действия³⁶.

Вынесение за скобки событийного ряда политической памяти, характерных для модернизирующихся обществ (составляющих важное звено конституирования любой национальной памяти в силу «исключительности» символических образцов жертвенности), при отсутствии успешного конструирования события «новой революции», неизбежно сужает перформативные возможности культурных интерпретаций, «политических сюжетов» ритмической организации политического пространства и времени. Поэтому без адекватной стратегии темпорализации политических событий всегда присутствует риск оформления вместо «социально ожидаемых длительностей» (П. Штомпка) сужения политических сценариев настоящего и, соответственно, горизонтов политического планирования. В связи с чем дискуссии о «советском», его месте и роли в политической культуре России, присутствие (отсутствие) структур политической советской памяти в политической памяти постсоветских поколений – это не только последствия борьбы элит за социальное доминирование, а симптом перформативных процессов в мифо-ритуальном пространстве политической памяти с отнюдь не предсказуемыми последствиями. Порожденные в ходе политических реформ мифологии о «похоронах советского», препятствуют проектированию будущего из недавнего прошлого, вместо понимания многослойности символического пространства и рисков погружения в «мифическое безвремя».

Показателен пример современной Украины, где попытка «победить» семантическую неукоренность в историческом времени, преодолеть кризис семантики «несостоявшееся государство» и стремление создать собственную «европейскую» историю, на практике привело к тотальной мифологизации политической памяти. События модернизации и героические

---

³⁶ Kaufman S.J. Symbolic Politics or Rational Choice? Testing Theories of Extreme Ethnic Violence // International Security. – Spring 2006. Vol. 30. No. 4. P. 45–86.

фигуры творцов Российской империи и Советского Союза подверглись тотальной семантической деконструкции, а на смену им пришли мифическая память, организованная вокруг символических «прародителей» «галицийских фратрий». Произошла редукция структур социальной памяти, вместо «европейского времени» как «времени вперед», пришла мифическая ритуализация – «кто не скачет – тот москаль», убившая структурирование событий настоящего из недавнего прошлого. Локальная этническая мифология повседневности стала «вечностью» и источником, побуждающим к «кровно-родственной» мести, осуществляемой с помощью систем залпового огня. Подобное структурирование политических ожиданий не могло не породить конфликт структур памяти поколений и этнизации политических конфликтов внутри Украины, втягивание в этот процесс политических акторов соседних геополитических пространств и институтов их символической политики.

Качество коммуникативного, солидарного эффекта многообразных практик символической политики в значительной мере зависит от коммуникативных структур политической памяти, возникающих в процессе реализации символической политики по конструированию темпоральных горизонтов коллективного взаимодействия. Без синхронизации усилий элит по восстановлению и социальному конструированию системной истории с перформативными практиками повседневности любые «национальные проекты» и поиски жизненных идеологий способны в лучшем случае обеспечить кратковременное поддержание адаптивного процесса. Очевидно, что исследование темпоральных режимов политической действительности в таком диахронном политическом пространстве, как Россия, с целью их синхронизации в рамках системной истории может стать теоретической предпосылкой планирования более эффективных практик публичной политики и управления политическими конфликтами.

Нынешние коммуникативные сбои, возникающие при реализации национальных проектов, характерные для современного российского общества, в значительной степени предопределены одномерностью и «семантической бедностью» символической политики, политики памяти и политики идентичности, по типизации политических событий прошлого и конструирования общенационального горизонта смысла. Отсутствие фонового знания у политических акторов вообще и политико-административных элит в частности предопределяет высокую произвольность в конструировании политического будущего из бюрократической повседневности, что стимулирует политическую коррупцию и придает модернизационному процессу симулятивный характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.